

надвигавшейся из степи опасности, в лице печенегов, половцев и, наконец, татаро-монголов.

Народные предания об исторических лицах и событиях — „неписаная история“ — разнообразно используются в летописи XI—XII вв. Летописцы то вносили их в свой рассказ без разъяснений и дополнительных замечаний, то делали эти предания поводом для морализирующих рассуждений, показывающих существенную разницу между мировоззрением народного эпического поэта и книжника, вмещающего себе в обязанность через историческое повествование внедрять идеологию христианства в его характерной для феодального периода форме.

В наибольшей сохранности Повесть временных лет донесла поэтические предания о борьбе с внешними врагами — печенегами. В этой группе рассказов (белгородский кисель, „отрок“ и воевода Претич при осаде Киева, поединок юноши-кожемяки с печенежским богатырем) летописцем полностью воспринято народное отношение к врагам: они посрамлены, притом не превосходством силы, а умом, уменьем. Осажденные города, без помощи княжеской дружины, одной военной хитростью, в которой проявляют свою смысленность то „старец“, то „отрок“, — освобождаются от обложивших городские стены печенегов; „сын меньший“ побеждает печенежского богатыря, „превелика зело и страшна“. Во всех этих преданиях, относящихся еще к дохристианскому периоду русской истории, летописец счел возможным обойтись без религиозных мотивировок. Но уже описание поединка князя-христианина Мстислава с касожским богатырем Редедю украшено дополнительным эпизодом: ослабевающий в борьбе с сильным противником князь молится и дает обет построить церковь, после чего немедленно одолевает Редедю. Нет никаких оснований предполагать, что эта мотивировка, снижающая роль самого князя, существовала уже в устном прототипе летописного рассказа. Можно думать, что летописец соединил две самостоятельных темы: поединок Мстислава и постройку им церкви в Тьмутарокани, изобразив эту постройку как выполнение обета, данного в минуту слабости во время поединка. Во всяком случае, победа как „чудо“, как результат вмешательства „божественной“ помощи — мотив, характеризующий то антиреалистическое начало, какое религиозная идеология внесла в героическое, реальное в своей основе предание.

С этим антиреалистическим началом мы встречаемся в летописном истолковании самых разнообразных народных преданий, начиная с предания о гибели „обров“ и кончая тенденциозно изложенной историей восстания смердов в 1071 г. Мы наблюдаем, как религиозная мотивировка сначала появляется рядом с реальной (сказание о гибели обров, рассуждение о „божьей воле“, побудившей полян предсказать покорение хазар, а кудесников — предугадать смерть Олега от коня), причем все яснее звучит мотив полной зависимости судьбы человека от „божественной воли“. Так последовательно снижается роль человека, его